

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Н.И. Бухарин

К теории империалистического государства^{1а}

Головокружительно быстрое «равнение направо», которое с таким усердием не за страх, а за совесть проделывают многие, с позволения сказать, «социалисты», им же имя легион, является, - если его рассматривать с точки зрения развития *идеологии*, - логическим следствием целого ряда отступлений от марксизма. Незаметные вначале эти отступления растут, как снежный ком, и довольно быстро («по потребностям» правительств и «по способностям» идеологов) превращаются из *отступлений* в формальное *отступление* (vulgo), измену. Наиболее трусливые и лицемерные прикрывают свое бегство звоном «старых» фраз и старой терминологии (напр., русский «марксист» Потресов, выставивший лозунг «добраться до патриотизма»), другие (немецкие социал-империалисты типа Heine) прямо апеллируют к «государственному разуму» Бисмарка и к «военному разуму» генерального штаба. Со временем, конечно, и наши сирены запоют на тот же лад. Ибо здесь есть объективная логика, и, назвавшись груздем, приходится лезть в кузов. Наше время поднимает все тактические вопросы на такую принципиальную высоту, как никогда раньше. Здесь приходится додумывать до конца, ибо все то, что раньше представлялось многим «академической схоластикой», «серой теорией» etc., теперь получило самое реальное практическое значение. Именно поэтому столь многие решили «переучиваться». Они *должны* были это сделать: fata volentem ducunt, nolentem trahunt². Уклониться от вопросов,

а - Печатаемая статья предназначалась для «Сборника Социал-Демократа», неперIODического издания Ц. К., которое стало выходить после того, как перестал существовать «Коммунист». Редакция «Сборника» не сочла возможным поместить статью, так как полагала, что здесь развиваются неверные взгляды на государство. К сожалению, при многочисленных зарубежных поездках (к тому же в условиях нелегальности) было потеряно несколько писем т. Ленина по этому поводу. После того, как я получил отказ от «Сборника С.-Д.», я написал ряд мелких статей, развивая ту же систему взглядов. Эти статьи были размещены в леворадикальных газетах: голландской «De Tribune» (25 и. 1916 и сл. статью «De Nieuwe Lyfeigenscap» - «Новое рабство»), в органе норвежских молодых «Klassekampen»; в Бременском, выходившем во время войны, журнале «Arbeiterpolitik» («Рабочая Политика»), наконец, в журнале «Jugendinternationale» (статья под псевдонимом Nota Bene) и в ряде полемических (против д-ра Ингермана) статей в Нью-Йоркской газете «Новый Мир». Против статьи в «Jugendinternationale» выступил с замечкой В. И. (она напечатана в XIII томе «Сочинений»). Читатели легко увидят, что у меня не было ошибки, которая мне приписывалась, ибо я отчетливо видел необходимость диктатуры пролетариата; с другой стороны, из заметки Ильича видно, что он тогда неправильно относился к положению о «взрыве» государства (разумеется, буржуазного), сменивая этот вопрос с вопросом об отмирании диктатуры пролетариата. Быть может, мне следовало тогда больше развить тему о диктатуре. Но в свое оправдание могу сказать, что тогда было такое повальное социал-демократическое воспевание буржуазного государства, при котором естественно было сосредоточить все внимание на вопросе о взрыве этой машины.

Когда я приехал из Америки в Россию и увидел Надежду Константиновну (это было на нашем нелегальном VI съезде, а в то время В. И. скрывался) ее первыми словами были слова: «В. И. просил Вам передать, что в вопросе о государстве у него нет теперь разногласий с Вами». Занимаясь вопросом, Ильич пришел к тем же выводам относительно «взрыва», но он развил эту тему, а затем и учение о диктатуре настолько, что сделал целую эпоху в развитии теоретической мысли в этом направлении. - Н. Б.

замазывать, примирять - самое безнадежное дело теперь, когда *практически* обнаружилась пропасть между тактикой (а, следовательно, и теорией) марксизма и реформизмом всех оттенков.

К числу наиболее общих вопросов, всплывших теперь с особенной остротой, принадлежит вопрос об отношении социал-демократии к *государственной власти*. Это объясняется двумя обстоятельствами, тесно связанными друг с другом. Во-первых, империалистическая эпоха есть эпоха обостренной борьбы государственно-капиталистических трестов, и поэтому громадное значение приобретает вопрос о боевой мощи государства, о «Machtpolitik»³ и т. д. Во-вторых, та же эпоха до небывалой степени усиливает значение государственной власти и во «внутренней» жизни народов, и социальные силы этого чудовища проникают во все щели, захватывая все области современной общественной жизни. И вот теперь, когда государственная власть «убивает и разоряет» народы ради гешефта господствующих классов, теперь, когда классовая борьба в самой обостренной форме должна сделаться лозунгом дня для пролетариев всех стран, господствующая ставит все точки над «i». Во внешней политике они превращаются в горячих сторонников вооружений, а, следовательно, империалистической войны; во внутренней - в апологетов гражданского мира. И если раньше и для них был притягателен лозунг: «Мир хижинам, война дворцам», то они перестали его в иной: «мир дворцам, война *чужим* хижинам»⁴. Ориентировка по линии классового интереса интернационального пролетариата сменилась ориентировкой по линии интересов *империалистического государства*. Прежние жрецы свободы, демократы, социалисты пали ниц перед генеральским сапогом, и, конечно, только в насмешку можно сказать, что они «не лизали сильным ног, ни даже рук». Захлебываясь от удивления, они лезут с одинаковым усердием и руки и ноги «сильных»...

Общая теория государства

1. Государство, как организация господствующих классов.
2. Происхождение государства.
3. Государство, как историческая категория. Социалистическое общество и государство.
4. Функции государства.
5. Типы государства. Империалистическое государство, как историческая категория.

В социал-патриотической литературе всех стран можно ясно проследить процесс попятного движения мысли. Понятия и термины, которые раньше имели совершенно точное значение, уступают место «общей фразе». Раньше нужно было уметь «различать». Теперь, наоборот, предпочитают оперировать самыми недифференцированными понятиями, вроде «нации», «народа», «интересов целого» и т. д., и т. д.

Это и легче и удобнее для известных целей. Приходится поэтому повторять старые истины, ставшие уже общим местом, чтобы дать оппор-тунному невыносимому quasi-теоретическому вздору, который преподносится со всех сторон читающей публике. Вопросу об империалистическом государстве необходимо предпослать вопрос о природе государства вообще. С этого мы и начнем.

Существует бесконечное количество определений государства. Мы проходим мимо всех тех теорий, которые видят в нем какую-либо телеологическую или метафизическую сущность, «реальность моральной идеи» (Гегель) и т. п. Неинтересны для нас и те многочисленные определения юристов, которые подходят к государству с ограниченной точки зрения формально-юридической догмы и потому большей частью бьются в порочном кругу, определяя государство через право, а право через государство. Такие «теории» не дают никакого положительного знания, ибо они лишены *социологического фундамента*, они висят в воздухе. Нельзя понять государство иначе, как явление *общественное*; необходимо, следовательно, знать его социальную природу, его социальные функции, его генезис; другими словами, необходима *социологическая теория государства*. Такую его теорию дает *марксизм*. С точки зрения марксизма, государство есть не что иное, как *наиболее общая организация господствующих классов, основная функция которой заключается в сохранении и расширении эксплуатации классов угнетенных*. Государство есть отношение между людьми, и притом отношение господства, власти, порабощения. Правда, еще в знаменитом Кодексе Хаммурапи, за целых две с половиною тысячи лет до Р. Х., было провозглашено, что целью государства является «насаждение в стране права, уничтожение дурного и злого, дабы сильный не вредил слабому»^a. Правда и то, что эта старинная ложь царствует и до сего дня, и все учение о «цели государства» есть не что иное, как повторение этой лжи. «Государственный порядок (Ordnung) и право существует не ради государя (des Herrschers), не для того, чтобы поддерживать и умножать его личные блага, а ради *подчиненных*»^b. Палка существует не ради выгоды господина, а ради просвещения раба - такова теза буржуазной науки нашего времени. В действительности дело обстоит, конечно, совершенно иначе. Поскольку имеется планомерно построенная, сознательно регулируемая организация государственной власти (а это возникает лишь на известной ступени государственного развития), поскольку, следовательно, можно говорить о постановке *целей*, эти цели определяются интересами *господствующих классов и только ими*. Этому нисколько не противоречит то обстоятельство, что государство исполняет и исполняло целый ряд общепользовных функций. Последнее составляет лишь необходимое условие, *conditio sine qua non* существования государственной власти. «Общепользовные деяния» государства суть, таким образом, *условия максимально длительной и максимально успешной эксплуатации порабощенных классов* в современном обществе, прежде всего, пролетариата. Господствующие классы в своей политике руководятся определенным *расчетом*; поэтому принцип экономии сил годится и для государственной организации. Государство строит железные дороги, ведет оросительные работы, учреждает школы и т. д. Почему? Потому что только таким путем облегчается дальнейшее развитие капиталистических отношений, большая масса создаваемых ценностей течет в карман класса капиталистов, процесс эксплуатации идет ровнее и спокойнее. Государство

предпринимает ряд санитарных мероприятий, выступает в роли «охранителя труда» (фабричное законодательство и т. д.). Почему? Опять-таки вовсе не из-за прекрасных глаз порабощенных пролетариев, а потому что при *известных условиях* господствующему классу выгодно это сделать: либо в силу непосредственной заинтересованности (напр., современное государство заинтересовано в хорошем солдатском материале, а потому иногда не прочь принять меры, немного задерживающие вырождение нации), либо в силу стратегических соображений классовой борьбы против угнетенных. В последнем случае государственная власть уступает, потому что иначе процесс эксплуатации пошел бы не так гладко. Руководящим принципом и здесь являются, таким образом, интересы господствующих классов, которые только скрываются под псевдонимом интересов «нации», «народа», «целого». И здесь государство является организацией «могущественнейшего, экономически господствующего класса, который благодаря ему становится и политически господствующим классом и приобретает таким путем новые средства для порабощения (Niederhaltung) и эксплуатации угнетенного класса»^c.

Будучи наиболее общей организацией господствующего класса, государство возникает в процессе общественной дифференциации. Оно есть продукт *классового общества*. Процесс же классового расслоения есть, в свою очередь, продукт экономического развития прежде всего. Необходимо подчеркнуть, что распадение общества на классы отнюдь не является следствием голого насилия со стороны иноземцев, как это утверждают некоторые социологи (Гумплович, Оппенгеймер), повторяющие в значительной степени пресловутого Дюринга. Как ни радикальна кажется эта теория, по существу дела она реакционна, а главное - она неверна. Нас завела бы слишком далеко в сторону подробная критика аналогичных направлений, но в виду некоторой близости их к марксизму, мы считаем необходимым сказать о них несколько слов...

Франц *Оппенгеймер* так определяет «историческое государство».

Историческое государство можно определить по форме и по содержанию следующим образом: по форме оно является институцией (Rechtsinstitution), навязанной со стороны победоносной группы группе подчиненной. Его *содержанием* является планомерная эксплуатация («Bewirtschaftung») низшей группы со стороны высшей группы согласно принципу наименьших (политических) затрат (des kleinsten politischen Mittels. Так называет О. принцип экономии сил вне области чисто экономических отношений. - Н. Б.), т. е. неоплачиваемое (unentgeltliche) присвоение возможно большей части ее (т. е. низшей группы. - Н. Б.) трудового продукта с возможно меньшими собственными затратами, присвоение, рассчитанное на максимальную продолжительность^d. «Государство по своему возникновению целиком.

a - См. *Gumpłowicz* - «Geschichte der Staatstheorien». Innsbruck, 1905, S. 8.

b - *Edgar Loening* - «Der Staat - Handw. d. Staatswissenschaften». H. Ierusalem, повторяя слова Платона, что государство имеет своей задачей реализацию морального идеала, замечает, что теперь это более правильно, чем когда-либо раньше (Der Krieg im Lichte der Gesellschaftslehre, Stuttgart, 1915., S. 61. Ср. *Wygodzinsky* - «Staat und Wirtschaft» Handb. d. Politik, S. III. Это все равно, что сказать, будто бы цель капитала состоит в улучшении заработной платы рабочих.

a - Fr. Engels - «Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staates». 3 Aufl. 1889, § 137: «Государство есть организация владеющего класса для защиты против класса, лишенного собственности» (ibid, S. 138). «Политика (господств. классов. - Н. Б.) есть не что иное, как метод упреждения, орудие сохранения и расширения (d'extension) собственности» (Achille Loria - Les bases économiques de la constitution sociale», 2 ed. Paris, 1903, p. 362.

b - Oppenheimer - «Staat und Gesellschaft». Handb. d. Politik § 117. См. также «Der Staat» его же (изд. M. Biber. Frankf. a/M. S. S. 9, 151). О различии между экономикой и политикой у этого автора см. Oppenheimer «Theorie der reinen und politischen Oekonomie». 2 Aufl. Berlin. 1911.

а по своей сущности на первичных ступенях развития почти целиком есть общественное учреждение, насильственно навязанное победоносной группой людей»^а

Классы «созданы политическими (т. е. внеэкономическими, - Н. Б.) средствами, как показывает историческая и этнографическая индукция, и они могли быть созданы только политически»^б.

Таким образом, по Оппенгеймеру, классы являются лишь трансформированными группами победителей и побежденных, а вовсе не законным дитятей экономического развития. В этой теории «происхождения классов» верно только одно, - что конкретная история человеческого общества была историей насилия и грабежа. Но этим вопрос далеко не исчерпывается. В действительности «правовые» институты (государство), а также и производственные отношения определенного типа (напр., рабство) могли возникнуть или удержаться только в том случае, если в хозяйственной жизни данных групп имелся для этого достаточный базис. Этот базис, действительно, имелся: мы говорим о хозяйственной дифференциации в связи с ростом *разделения труда и частной собственности*^с. Поэтому даже если бы не было никаких вторжений извне, все равно логика экономического развития привела бы к возникновению командующих классов и их общей организации, государства. Новейшая история дает пример такого развития, - мы имеем в виду Соединенные Штаты Америки. Правда, очень часто недооценивают зародившейся северо-американского феодализма и поземельной аристократии^д. Но все же эволюция капиталистических отношений в Америке была бы совершенно непонятна, если оставаться на точке зрения Оппенгеймера, так как здесь ясен процесс возникновения государственной власти изнутри, путем общественной дифференциации, растущих классовых антагонизмов и т. д.^е

Кажущийся радикализм аналогичных теоретических построений имеет очень и очень апологетическое происхождение. Речь идет о спасении основ товарного хозяйства. Логика такова: современное рабство возникло путем завоевания и учреждения «насильнической собственности» (*Gewalteigentum* - термин, пущенный в оборот Дюрингом) на землю. С монополизацией земли возникает, благодаря пролетаризации масс, лишенных главного средства производства, и классовая монополия капитала. Земельная и капиталистическая собственность находят свое выра-

а - «Der Staat», S. 9.

б - «Staat u. Gesellschaft», S. 115.

с - Спв. G. Schmoller: - «Das Wesen der Arbeitsteilung und der sozialen Klassenbildung»: «неверно или преувеличенно обобщать эти истины (о роли завоевания, - Н. Б.), как это делает Гумилевич, таким образом, что всякое возникновение государства, вся высшая культура, всякое образование социальных классов и всякое разделение труда выводится из расовой борьбы» («Jahrbücher» 1890, S. 72). Сам Шмоллер, наоборот, силится «смягчить» действительную историю. О фактической стороне см. Schmoller - «Die Tatsachen der Arbeitsteilung», «Jahrbücher», 1889. Интересны теоретические замечания общего характера у E. Durkheim - «De la division du travail social». Paris, 1893.

д - См. против такой недооценки: Mayers - «The History of great americans fortunes», v. I.

е - «Объяснение» Оппенгеймера заключается в том, что здесь масса, инфицированная государственностью на родине, импортировала эту государственность с собой («Der Staat», S. 10). Но даже если и рассматривать государственность, как секретную болезнь этой массы, непонятно, почему ее не вылечил чистый воздух Америки. Натяжка в объяснении О. очевидна.

жение в государстве, этом политическом орудии угнетения, которое является историческим *prius*¹ по отношению к экономике. Разрушите «насильническую собственность» на землю («внутренняя колонизация»), - тогда возникнет «крепкое крестьянство», армия безработных исчезнет, прибыль капиталистов упадет настолько, что им станет невыгодно продолжать свою деятельность; наемный труд уничтожается, и общество совершенно безболезненным путем превращается в общество свободных граждан, мирно торгующих друг с другом и продающих все «по справедливости»; государство отмирает и превращается в «свободное гражданство» («Freibürgerschaft»). Это и есть «либеральный социализм» Оппенгеймера². Конечно, это сплошная и притом реакционная утопия, ибо возникновение капиталистических отношений господства вовсе не предполагает *обязательно* внеэкономического давления и завоеваний. И чтобы уничтожить эксплуатацию, совсем недостаточно провести «внутреннюю колонизацию», а нужно уничтожить как частную, так и коллективную собственность командующих классов (и землевладельцев, и промышленников, и финансовых капиталистов и т. д.). Поэтому всякая действительно революционная теория должна смотреть в корень (*radical sein - ist die Sache an der Wurzel fassen* - писал Маркс) и не останавливаться на объяснении всего одним лишь завоеванием, а искать конечных причин в изменениях общественно-экономической структуры. «Государство отнюдь не является властью, навязанной обществу извне... Скорее оно является продуктом этого общества на определенной ступени развития»³.

Если видеть конститутивный признак государства, его «сущность», в том, что оно есть общая организация *господствующего класса*, то вполне ясным становится и взгляд на государство, как на *историческую* категорию. Таков именно был взгляд Маркса-Энгельса. Они никогда не смотрели на государство, как на общественный орган, необходимый на всех ступенях развития. Точно также, как капитал не есть по Марксу вещь, средство производства *an und für sich*⁴, а общественное отношение, выраженное в вещи, точно также сущность государства заключается вовсе не в его технико-административной роли, а в том *отношении господства*, которое за нею скрывается⁵. Но так как отношение господства базируется на классовой дифференциации, то с исчезновением классов исчезает и государство. Последнее имеет, следовательно, не только свое историческое начало, но и свой исторический конец.

«Даже радикальные и революционные политики, - пишет Маркс, - ищут причины зла не в существе государства, а в определенной государственной форме, на место которой они хотят поставить другую государственную форму»⁶. Еще решительнее выражается Энгельс: «Все социалисты, - пишет он, - согласны в том, что государство, а вместе с ним и поли-

а - См. его «Die soziale Frage und der Sozialismus». Любопытно, что свою книжку о государстве Оппенгеймер кончает... восхвалением империалистской бюрократии!

б - Engels «Der Ursprung», S. 135.

с - Кстаги K. Реннер, который за период войны побил все рекорды фокусничества, давая блестящие quasi-марксистские формулировки своих империалистских вожделений, основывает защиту отечества тем соображением, что капитал есть, по Марксу, отношение между капиталистом и рабочим и что, следовательно, необходимы оба члена этого отношения. Но Реннер позабывает тот пустячок, что рев. социал-демократия вовсе не стремится увековечивать эти отношения, а хочет, наоборот, взорвать их (См. «Kampf» за 1915-1916 г.).

д - K. Marx - «Kritische Randglossen» etc. Nachlass, B. II, S. 50.

тический авторитет, исчезнут вследствие будущей социальной революции, т.-е. что общественные функции потеряют свой политический характер и превратятся в простые административные функции, которые блюдут общественные интересы^a. В «Анти-Дюринге» Энгельс заявляет, что в социалистическом обществе государство «отмирает». В «Происхождении семьи» и т. д. он ставит такой прогноз: «Быстрыми шагами приближаемся мы к такой ступени развития производства, на которой существование этих (господствующих. - Н. Б.) классов не только перестает быть необходимостью, но становится положительным тормозом производства. Они падут с такой же неизбежностью, с какой ранее они возникли. С ними же неизбежно падает и государство. Общество, которое организует производство на основе свободной ассоциации производителей, отправляет всю государственную машину туда, где ей и следует быть, - в музей древностей, рядом с веретеном и бронзовым топором»^b.

Приведенные выписки вовсе не случайны. Наоборот, здесь ярко скажутся специфические особенности марксистской теории, историчность марксистского метода, который рассматривает общественные явления не как вечные и неизменные категории, а как преходящие явления, возникающие и исчезающие при определенных условиях социальной жизни. Таким образом, это и не вопрос терминологии, как стараются показать некоторые^c, точно так же, как не вопрос терминологии, называть ли «палку дикаря» капиталом или нет. Для Маркса критерием различения, логическим *fundamentum divisionis*^d общественных категорий, был *различный тип людских отношений*, а не фетишистски извращенная «поверхность явлений». Понять общественное развитие, как закономерно проходящий процесс смены различных типов этих отношений (общественно-экономических структур), и было задачей Маркса. Аналогичным путем подходил он и к вопросу о государстве, как *политическому выражению общирной общественно-историческо-экономической структуры классового общества*. И точно также, как современная буржуазная экономика, глубоко статичная и антиисторичная, не может понять этой специфической точки зрения Маркса на экономические категории, точно так же не могут понять буржуазные социологи и юристы марксовой точки зрения на государство. «Теория Маркса, - пишет, напр., Гумплович, - содержит в себе новое и в значительной степени *größtenteils*^e верное воззрение на государство». Но - продолжает этот автор - «ужасная ошибка социализма заключается в том, что этот последний полагает, что там, где государство "становится, наконец, действительным представителем всего общества"» (за какового оно себя

раньше выдавало), оно «делает, себя излишним»^f. Это говорит «радикальный» Гумплович. Другие его коллеги по кафедре могут уже *ex officio*^g не понимать Маркса^h.

Итак, будущее общество есть общество внегосударственной организации. Различие между марксистами и анархистами вовсе не в том, что марксисты - государственники, а анархисты - антигосударственны, как это утверждают многие. Действительное различие во взглядах на будущую структуру состоит в том, что общественное хозяйство социалистов вытекает из тенденций концентрации и централизации, являющихся неизбежными спутниками развития производительных сил, есть хозяйство централизованное и технически совершенное, в то время как хозяйственная утопия децентрализаторов-анархистов возвращает нас к докапиталистическим формам и делает невозможным какой бы то ни было экономический прогресс. Только в переходный момент *диктатуры пролетариата* сохраняется форма государственной власти, ибо это есть форма *классового господства*, где господствующим классом является пролетариат. С исчезновением пролетарской диктатуры исчезает и последняя форма государственного бытия.

Основная функция государственной организации состоит, как мы говорили выше, в поддержании и расширении процесса эксплуатации. При этом можно различать два типа отношений: или государственная организация есть организация *непосредственной* эксплуатации, - в таком случае государство выступает, как союз капиталистов, имеющих собственные предприятия (напр., железные дороги, монопольное производство какого-либо продукта и т. д.); либо государственная организация участвует в процессе эксплуатации *косвенным* путем, являясь служебным механизмом поддер-

a - L. Gumplowicz - «Geschichte der Staatstheorien». Innsbruck. 1905, S. 373.

b - Iellinek, напр., пишет: («Allgemeine Staatslehre» 3 Aufl. Berlin, 1914, S. 89) что по Марксу «государство есть не что иное, как организация эксплуатирующего класса для поддержки своих внешних условий производства, а внутренне необходимая цель (!) истории есть достижение государственной власти пролетариями. В эту будущую эпоху государство (!) будет регулировать все производство согласно общему интересу. Цель (!) развития означала бы согласно этому полное единство общества и государства... Тем самым социалистическое учение об обществе стоит в острейшем противоречии к анархическому. Здесь - отмена государства обществом, там - общества государством». Мы не говорим уже о навязывании марксизму телеологической галиматии («целей» истории). Еллинек, не сморгнув глазом и ссылаясь далее на «Anti-Dühring» и «Ursprung der Familie», приписывает Марксу-Энгельсу точку зрения, с которой они боролись. Это знает и сам Еллинек, который на стр. 194 пишет: «Таким образом, социалисты, по крайней мере *pro futuro* (для будущего. - Н. В.), отрицают необходимость государства». Итак, на 89 стр. будущая эпоха - всемогущество государства, на 194 - его отрицание. Источники неприязни к марксизму и всем «теориям господства» Iellinek обнажает довольно откровенно: «Практические следствия теории господства состоят не в обосновании, а в разрушении государства» (S. 195); «она - (эта теория, - Н. В.) пролагает дорогу перманентной революции» (S. 196). G. Oppenheimer («Der Staat», S. 6) утверждает, что Платон и марксисты (!) приписывают государству всемогущество и хотят сделать (!) его абсолютным господином над гражданином». G. Schmoller борется с социализмом уже совсем оригинально. «Тот, кто знает, как хорошая кухарка смотрит сверху вниз на простую прислугу, слуга в графском доме на слугу в буржуазном доме, обученный каменщик и плотник - на простого, тот поймет иерархию сословий, как психологическую необходимость для всех времен». И это написано в серьезном журнале, серьезным авторитетом!

О различии между социалистами и анархистами см. в тексте.

a - Engels - «Dell'Autorità», «Neue Zeit». XXXIII, S. 32, перевод с итальян. Рязанова.

b - Engels - «Der Ursprung» etc. S. 140.

c - Ad. Wagner, напр., пишет: («Staat in nationalökonomischer Hinsicht» Hdw. D. Staatsw.) что социалистическое «государство» имело бы все признаки государства («in höchster Potenz» [в наибольшей степени (нем.). - прим. ред.], ибо нельзя же считать классовое угнетение за характерный признак. Правда - по Вагнеру - теперь есть «злоупотребления» («Missbräuche»), но они несущественны «для понятия государства»... Вся эта чепуха имеет полнейшую аналогию в экономических теориях капитала (Бем-Баверк, Кларк и К²): сущность капитала - не социальное господство, а бытие капитала, как средства производства; сейчас есть «злоупотребления», что же касается будущего, то даже и в социализме капитал и прибыль будут спокойно процветать...

жания и расширения максимально выгодных условий эксплуатационного процесса. В первом случае - поскольку речь идет о производительном труде - государство поглощает ту прибавочную стоимость, которая создается в сфере его непосредственной деятельности, во втором - оно присваивает части прибавочной стоимости, создаваемой в производственных отраслях, лежащих вне сферы непосредственного государственного контроля, путем налогов и т. д. Обычно при этом государство выжимает не только часть прибавочной стоимости, но и некоторую часть заработной платы (а при существовании других категорий - «трудового дохода» и части этого последнего). В конкретной действительности оба эти типа существуют одновременно, хотя пропорция, в которой они имеются, подвержена изменениям и зависит от исторически достигнутой ступени развития.

Поддержка и расширение эксплуатационного процесса идут в двух направлениях: вовне, т. е. за пределами государственной территории, и внутри, т. е. в этих пределах. Внешняя политика государственной организации выражает собою борьбу за дележ прибавочной ценности, производимой в мировом масштабе (поскольку имеется некапиталистический мир, борьбу за прибавочный продукт), борьбу, разыгрывающуюся между различными государственно-организованными группами господствующих классов.

Внутренняя политика государственной организации выражает собой борьбу господствующих классов за долю создаваемой ценности (resp.⁹ продукта) путем систематического подавления всяких попыток освобождения со стороны классов угнетенных. «Области государственной деятельности» (Loening) и служат этим двум целям: «область внешнего управления» - охраняет интересы господствующего класса вовне; «область юстиции» поддерживает правовые нормы, которые связывают угнетенные классы по рукам и ногам, при чем так называемое «гражданское право» защищает священное начало собственности, «государственное право» поддерживает политическое закрепощение угнетенных, будучи политической формулировкой экономического господства, область «внутреннего управления» («полиция» в широком смысле слова), наряду с общепользовными функциями, действительный смысл которых мы уже изображали выше, непосредственно направлена против внутреннего врага; область «военной администрации» служит решающим аргументом как в борьбе с другими государственными организациями, так и с восстающим народом; наконец, область «финансового управления» - это искусство получать «государственные доходы» на содержание и расширение государственной организации, в первую голову, ее военного аппарата (ибо буржуазия говорит святую истину устами немецкого империалиста Дельбрюка: «Где же лежит в конечном счете действительная мощь? Она лежит в оружии. Решающим вопросом для внутреннего характера государства всегда является поэтому вопрос: кому принадлежит армия»)¹⁰.

Вышеприведенные общие положения относительно классового характера государства не отвечают еще на вопрос о характере конкретных исторических типов государственной организации. А между тем экономическая эволюция, которая создает определенный тип производственных отношений, создает и адекватный им тип государственной организации. Феодалная организа-

ция государства, например, отличается от общекapиталистической. Более того, даже в пределах капитализма, по мере того, как капитализм последовательно проходит фазу торгового, промышленного и, наконец, финансового капитала, можно проследить и крупные изменения в его государственной надстройке. Наша эпоха, эпоха *финансового капитализма*, которая и внутри государств, и между государствами создает специфические отношения с резко выраженным историческим характером, придала новый вид и *государственной власти*. Ее характеристике и будет посвящено наше дальнейшее изложение.

Империалистское государство и финансовый капитализм

1. Усиление роли государственной власти.
2. Государства и производство продуктов (домены, лесное хозяйство, государственные фабрики, государственные монополии, «смешанные предприятия», государственный контроль и мобилизация промышленности).
3. Государство и процесс обращения (государство и средства обращения: железные дороги, телеграф, телефон подводные кабели; торговые монополии, государственные банки и банковые концерны; организация кредита; государственные займы; государственный контроль в сфере распределения и т. д.).
4. Внешняя экономическая политика и государственная власть.
5. Централизационный процесс внутри государственно-капиталистического треста.
6. Милитаризм и милитаризация хозяйства; так называемый военный социализм.

Уже самый поверхностный взгляд на общественно-экономическую жизнь указывает нам на колоссальное возрастание экономического значения государства. Это выражается прежде всего в возрастании *государственного бюджета*. Сложный аппарат современной государственной организации требует чудовищных затрат, которые увеличиваются с поразительной быстротой. Государственные расходы составляли:

Германия (млн. марок)	Франция (млн. фр.)	Великобритания (в д.)
1891-95 - 1553,0	1893 - 3359,7	1900 - 143.687.068
1901-05 - 2253,1	1907 - 3882,3 ^a	1910 - 157.944.611
1907 - 2809,8	1908 - 4020,5	1911 - 171.995.667
1908 - 2784,8 ^a	1909 - 4186,0	1912 - 178.545.100
1911 - 2897,4	1910 - 4321,9	1913 - 188.621.930
1912 - 2893,3	1911 - 4547,9	1914 - 197.492.969 ^c
1913 - 3520,9 ^b	1912 - 4742,7 ^d	

a - Altmann «Finanzwissenschaft», S. 22.

b - «Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich», 1915.

c - Ehberg «Finanzwissenschaft», 10 Aufl.

d - «The Statesman's Year-Book», 1915, p. 42.

e - «The Statesman's Year-Book», 1915.

a - Hans Delbrück - «Regierung und Volkswille», Verl. V. Georg Stilke, Berl. 1914, S. 133.

Соединен. Штаты	Италия (млн. лир.)	Россия ^c
1900 - 487.713.792	1898/99 - 812	
1910 - 659.705.391	1906/7 - 1945,9	
1911 - 654.137.998	1909/10 - 2602,1	
1912 - 654.553.963	1910/11 - 2833,1	
1913 - 682.770.705	1911/12 - 2949,0	
1914 - 700.254.489 ^a	1912/13 - 3252,0 ^b	

Итак, Германия увеличила свой расходный бюджет с 90 г.г. на 126%, Франция - на 41 %; Великобритания и Соед. Штаты с 1900 г. увеличили его на 37% (Англия) и 44% (Соед. Шт.), бюджет Италии с конца 90 г.г. возрос на 67%; наконец, Россия.

Насколько велик удельный вес государственных расходов по сравнению с расходным бюджетом населения, показывает следующая табличка, составленная на основании подоходной статистики для Пруссии^d.

	В млн. марок.	%
Государственные расходы	2323	13
Расходы коммун (свыше 10.000 жит.)	1918	5
производственное потребление	1856	11
Расходы буржуазии личное	2784	16
Расходы народных масс	9616	55

Государство и наиболее крупные коммуны поглощали, таким образом, около 20%, т.-е. 1/5 всех расходов.

Громадную роль в таком увеличении бюджета играет, несомненно, милитаризм, являющийся одной из сторон империалистской политики, которая, в свою очередь, необходимо вытекает из специфической структуры финансового капитализма. Но не только милитаризм в узком смысле этого слова. Причиной тому является растущее вмешательство государственной власти во все отрасли общественной жизни, начиная от сферы производства и кончая высшими формами идеологического творчества. Если доимпериалистский период, период либерализма, который был политическим выражением промышленного капитализма, характеризовался невмешательством государственной власти, и формула *laissez faire* была символом веры руководящих кругов буржуазии, которые все предоставляли «свободной игре экономических сил», то наше время характеризуется прямо противоположной тенденцией, которая своим логическим пределом имеет *государственный капитализм*, всасывающий в область государственного регулирования все и вся.

Чтобы определить источники этого огосударствления в их наиболее общей формулировке, нам необходимо иметь в виду тенденции финансо-

во-капиталистического развития. Организационный процесс, который все более и более связывает различные отрасли «народного хозяйства» путем создания комбинированных предприятий и организационной роли банков, привел к превращению каждой развитой «национальной системы» капитализма в «государственно-капиталистический трест»^a.

С другой стороны, процесс развития производительных сил мирового хозяйства самым резким образом столкнул эти «национальные» системы в их конкурентной борьбе на мировом рынке. Эти два основных факта современной капиталистической действительности дают нам и ключ к пониманию «государственных» тенденций современного финансового капитализма. В самом деле. Почему прежде буржуазия была резко индивидуалистична? Прежде всего, потому, что основной категорией экономической жизни была частно-хозяйственная ячейка, отдельное предприятие, которое встречается, как конкурент, со всяким другим. Аналогична этой взаимозависимости предприятий и взаимозависимость лиц, внутренняя структура буржуазии, как класса. Как класс, она выступает против пролетариата. Но внутри, в рамках класса, каждый его член противостоит другому, как конкурент: *homo homini lupus est*¹⁰. Каждый надеется выбить из седла своего противника, полагаясь на свои собственные силы, которых игра и будет максимально благотворным результатом для «целого». Но не только отдельные предприятия и отдельные лица выступали как носители индивидуализма. Аналогичную роль играло и дробление господствующих классов на разные группы: прежде всего, землевладельцы и промышленная буржуазия, а потом более мелкие деления - представители производств сырых материалов и фабрикатов, торговый и ростовщический капитал и т. д. и т. д. Эпоха финансового капитала кладет конец такому положению вещей. Исчезает, прежде всего, основа капиталистического индивидуализма: - отдельное частное предприятие, как клетка экономического организма. Более того, в значительной степени исчезает и противоречие между различными подгруппами господствующих классов. Путем взаимного участия «почти все категории буржуазии превращаются в получателей дивиденда, и категория процента становится общей формой для выражения всякого, так называемого «нетрудового дохода»». Святая святых каждого буржуа (и землевладельца) становится *банк*, который тысячью нитей связывает его с ему подобными. Так создается система *коллективного капитализма*, которая до известной степени противоположна по своей структуре капитализму в его прежних формулировках. Отдельный капиталист исчезает: он превращается в *Varbandskapitalist*^a, в члена организации; он уже не конкурирует со своими «земляками»; он кооперируется с ними, ибо центр тяжести конкурентной борьбы переносится на мировой рынок, а внутри страны конкуренция замирает. Такая структура господствующих классов сопровождается и соответствующим изменением «государственной машины»; государственная власть превращается в крупнейшую организацию финансово-капиталистической буржуазии, которая весьма однородна по своему строению; финансовая олигархия правит в трестах, финансовая

a - «The Statesman's Year-Book», 1915.

b - «The Statesman's Year-Book», 1915.

c - Отсутствие в тексте цифр для России объясняет нижеследующая записка, вложенная в этом месте в рукопись и адресованная автором т. Зиновьеву: «Дорогой Григорий, вставьте, пожалуйста, цифры русского расходного бюджета за соответствующие годы.

d - *Parvus* (первой манеры) - «Das Soziale Problem unserer Zeit», S. 31.

a - Мы анализировали подробно этот процесс в марксистском журнале «Коммунист». См. нашу статью «Мировое хозяйство и империализм».

b - Cp. *Naumann* - «Mitteleuropa».

олигархия правит страной. Это другая организация *той же самой клики*. Понятно, что при таком положении дел прежние сопротивление идеям «государственного социализма» (т.е. государственного капитализма) должно исчезнуть. Передача управления государственно-капиталистического треста формально независимому государству (мы говорим об экономическом регулировании) с обеспечением твердого дохода по существу не меняет дела. Зато она сулит и некоторые преимущества. Эти преимущества непосредственно связаны с империалистской политикой финансового капитализма. Мы уже заметили, что внешняя конкуренция начинает играть громадную роль. Метод этой конкуренции не только dumping¹¹ и чисто-экономическое давление, но и давление военной силы, в конечном счете - война. Отсюда вопрос о военной мощи. Но современная война это совсем не то, что война прежних времен: с экономической стороны теперь это не только вопрос о том, где достать денег, но вопрос о *финансовой и промышленной мобилизации*, вопрос о превращении «мирного хозяйства» в «хозяйство военное» (Friedenswirtschaft und Kriegswirtschaft). «Раньше война экономически была проблемой государственных финансов. Но теперь государство всемогуще (omnipotent). Поэтому его акция во-вне проявляется не в форме предприятия (Unternehmung), она не есть уже финансово-хозяйственная проблема, проблема денег; для войны мобилизуется натуральная субстанция всего народного хозяйства»^a. Вопрос же о мобилизации всей «народно-хозяйственной субстанции» есть вопрос об организации, поставленной под непосредственный контроль государственной власти. Чем организованнее государственно-капиталистический трест, чем сильнее вмешательство государственной власти, чем больше производство государственных отраслей находится в распоряжении государства, чем могущественнее роль государственных банков, регулирующих денежное и кредитно-денежное обращение, тем боеспособнее эта гигантская единица, тем большие прибыли ожидают счастливых граждан победоносного отечества. «Der Sozialismus gehört zu den Mitteln der Kriegsführung» («социализм есть одно из средств для ведения войны»), - восклицает социалистический ренегат Эдмунд Фишер, разумея под социализмом доведенное до последней степени государственное вмешательство^b.

Таковы наиболее общие причины «смены настроений» среди ответственных представителей буржуазного «общественного мнения». Оппозиция «огосударствлению» идет сейчас лишь из рядов торгового капитала, отраслей, значение которых убывает и посреднические функции которых становятся при непосредственном контроле государства излишними.

Назревание государственно-капиталистических производственных отношений быстро подвинулось вперед в связи с войной. Война сопровождается не только гигантским разрушением производительных сил: она,

a - Emil Lederer - «Der Wirtschaftsprozess im Kriege».

b - Edmund Fischer - «Der Krieg und das sozialistische Werden». Annalen für soziale Politik und Gesetzgebung, hg. Von Heinr. Braun. 1915 IV. Любопытно проследить, как процесс превращения капитализма в государственный капитализм сопровождается крушением индивидуалистического характера буржуазной идеологии. В области теоретической экономики идет, например, на всех парах переделка «австрийской» теории предельной полезности на американский лад, гораздо более соответствующий эпохе, интересам и психологии финансового капитализма.

с другой стороны, необычайно усиливает и обостряет тенденции развития, имманентные капитализму. Несомненно, что война вызвала целый «промышленный переворот» и революционизировала (в этом условном смысле) экономический фундамент, уничтожая с колоссальной быстротой капиталистические отношения, которые уже устарели. Конечно, многое из того, что вызвано специфически-военными задачами и потребностями, отомрет, как только кончится эта сверхчеловечески долго длящаяся бойня. Но многое и останется: ибо в общем и целом капитализм в его форме государственно-капиталистических трестов неминуемо, под угрозой своего уничтожения, должен приспособиться к эпохе, требующей новых и новых войн^a.

Мы начнем с основной области экономической жизни - с области производства.

От эпохи раннего капитализма через всю полосу промышленного капитализма остались некоторые рудиментарные формы, которые теперь будут всосаны в качестве живой клеточки государственного хозяйства. Мы разуме-ем здесь домены, лесное хозяйство и государственные фабрики. Число их в общем незначительно по сравнению с областью, лежащей вне владений государства. Но лесное хозяйство государства обладает большим удельным весом. Приведем для иллюстрации германские данные. В 1900 г. леса распределялись по различным категориям владения таким образом:

Коронные леса	257.302
Государ. леса	4.430.090
Леса, предст. общ. собств. гос. и др. лиц.	29.793
Общины	2.258.090
Учреждения	211.015
Товарищества	306.214
Частные	6.503.365
Итого ^b	13.995.869

Следует отметить также *горное дело*, где государственная власть сохранила кое-какие позиции.

Гораздо значительнее, однако, все растущие попытки введения *государственных монополий* в области производства. Несомненно, именно этому типу государственного вмешательства принадлежит наиболее «блестящее» будущее. К общим соображениям, о которых мы говорили выше, присоединяется еще одно, получившее особенное значение за время войны. Мы говорим о необходимости громадного увеличения *государственных доходов*. *Издержки войны настолько грандиозны*, что их покрытие, растянутое на ряды лет (уплата госуд. долгов, платежи процентов по государственным займам, помощь раненым, сиротам и т. д., восстановление разрушенного военного аппарата на расширенной основе и т. д. и т. д.), неизбежно вызовет и вызывает уже теперь - *полную перестройку государственного бюджета*. Доходы воюющих государств должны быть увеличены минимум вдвое, а может быть, и больше. В порядок дня, поэтому, становится проблема государственных финансов в таком колоссальном

a - Это хорошо понимает, в противоположность quasi-социалистическим наивным пацифистам, империалистская canaille bourgeoise (см., напр., Prof. Max Krahmann - «Krieg und Montanindustrie»), S. 15.

b - «Statist. Jahrbuch für das Deutsche Reich» für 1915.

масштабе, как никогда раньше. Доходы государства разлагаются обычно на такие категории: доходы с собственных предприятий государства (напр., лесное хозяйство, горное дело, госуд. фабрики, железные дороги и т. д.), прямые налоги, косвенные налоги (а также пошлины) и государственные монополии. Доходы с собственных предприятий относительно малы, прямые налоги неприятны самой буржуазии, увеличение косвенных налогов (и таможенных пошлин), которое практикуется *con amore*¹² всеми правительствами, наталкивается на упорное сопротивление пролетариата¹³. Остается прибегнуть к введению государственных монополий в производстве целого ряда продуктов: табачная монополия, монополия в производстве сигар и папирос, спирта, керосина, спичек, электрической энергии, угля и железа, кали, светильного газа, некоторых металлов и т. д. Таковы производственные отрасли, где монополизация сопряжена с наименьшими трудностями, а отчасти уже реализована в ряде государств.

Следует ожидать и монополизации военной индустрии, т. е. индустрии, работающей на армию и флот (постройка броненосцев, пушек и т. д.). Эта отрасль производства, непроизводительная с точки зрения общественного развития, усилится по своему значению, ибо впереди нас ждет период обостренной конкуренции государственно-капиталистических трестов, а отнюдь не «ультраимпериалистская» идилия Каутского¹⁴; переходной формой от «частно-капиталистического предприятия», предприятия (или треста) к чистому типу государственного предприятия, являются так называемые «смешанные предприятия» («gemischte Betriebe»). Эта форма стала появляться за последнее время все чаще и чаще, и, повидимому, она имеет все шансы на быстрое распространение. Сущность ее заключается в том, что государство *кооперирует* здесь с «частно-капиталистическим предприятием», большей частью с капиталистической *организацией* (трестом, синдикатом, картелем и т. д.). Происходит это путем «участия» («партиципации»): государство покупает часть акций соответствующего предприятия, в то время как другая их часть находится в руках обыкновенного треста. Таким образом, государство и предпринимательская экономическая организация становятся совладельцами одной и той же производственной единицы. Понятно, что этот промежуточный тип будет со временем уступать место чистому виду государственного предприятия; механизм этого процесса очень прост: или государство становится собственником все большего процента акций, или акционеры превращаются в простых получателей определенного фиксиро-

ванного дохода, будучи отстранены от непосредственного вмешательства в ход производства, предоставленного руководству просвещенной и надлежашим образом обученной империалистской бюрократии¹⁵.

Таковы основные и наиболее прочные формы государственного вмешательства в сферу производства. Наряду с ними имеется множество других мероприятий, которые в большей или меньшей степени ограничивают «свободное распоряжение» частной собственностью (что, конечно, отнюдь не всегда является ущербом для означенных собственников) и ставят производство под контроль всевидящего государственного ока. Во всех воюющих странах такому контролю подверглись, прежде всего, предприятия, работающие на так называемую «оборону страны». В Германии же, где в силу английской блокады тенденции к урегулированию общественного хозяйства сделались максимально необходимыми, этот контроль распространился и на целый ряд других производственных отраслей¹⁶. Если, напр., специальная «Reichsverteilungsstelle» не только распределяет сфабрикованный продукт, скажем, сахар, но и точно определяет, сколько сахару нужно произвести, к какому сроку и куда доставить, то этим самым производством частного предпринимателя или синдиката уступает место «государственному усмотрению». Здесь, следовательно, имеется ограничение производства и сбыта. Иногда государство идет дальше и соединяет различные производственные группы в целях большей производственной плановости в единый комплекс (как было, например, в германском угольном производстве)¹⁷. Наконец, существует бесконечное количество правил, регламентирующих самый производственный процесс (определенный метод производства, употребление определенных сырых материалов и т. д.). «Все эти мероприятия, — пишет цитированный проф. Гачек, — превращают производителя и купца в общественного функционера» (почтенный профессор позабывает только о сверхприличном «вознаграждении», которое получают эти синдикатские «общественные функционеры»).

Государственная власть всасывает, таким образом, почти все отрасли производства; она не только охраняет общие условия эксплуатационного процесса; государство все более и более становится непосредственным эксплуататором, который организует и руководит производством, как коллективный собирательный капиталист.

Аналогичный процесс наблюдается и в сфере обращения.

Мы должны остановиться вначале на *техническо-материальном осто*ве процесса обращения: железных дорогах, телеграфе, телефоне, под-

a - Cp. E. Iaffe - «Die «Militarisierung» unseres Wirtschaftslebens». «Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik». 1915, 40 Band, 3 Heft, S 529, 530.

b - О монополиях etc. смотри: Ad. Braun - «Elektrizitätsmonopol» «N. Z.» XXIII, 1 N. 19, 20; Edm. Fischer - «Das Werden des Elektrizitätsmonopols» «Soz. Monatshefte» ss. 443 ff; Edg. Iaffe, l. c.; Felix Pihner - «Organisierte Arbeit», «Handels-Zeitung, d. Berl. Tagebl.», № 439; H. Kunow - «Die Wirtschaftsgestaltung nach dem Kriege» Korrespondenzblatt der Generalkommission, 25 Jahrg № 37; Rudolf Hilferding - «Organisationsmacht und Staatsgewalt» «N. Z.» XXII B 2; K. Kautsky - «Zur Frage der Steuern und Monopole» «N. Z.», XXI, а также статья Фридмана в «Вестнике Финансов». Мы должны отметить еще большую роль коммун (напр. в Германии коммуны играют громадную роль при поставке электрической энергии). По существу дела «коммунальное самоуправление» можно рассматривать, как подсекуцию государственной организации. Финансовую сторону дела рассматривает C. Gerling - «Die finanzwirtschaftliche Behandlung der städtischen Werke» «Finanz-Archiv», 33 Jahrg.

a - См. проект превращения всего хозяйства Германии в одно акционерное общество под главенством государства.

b - Сводку всех мероприятий германского правительства дает Johann Muller («Nationalökonomische Gesetzgebung, die durch den Krieg hervorgerufene Gesetze, Verordnungen, Bekanntmachungen u. s. w.»), b. «Jahrbücher für Nationalökonomie u. Statistik», ср. также Prof. Hirsch - «Die Rechtstechnik des Kriegssozialismus», «Deutsche Revue», Juni 1916; о Франции см. Ch. Gide - «The Provisioning of France and measures to that end», «The Economic Journal», March 1916, а также франц. корреспонденции «The Economist», (N. 1120, 11 March 1916, 27 May, 3 June и т. д.).

c - См. Harkke, l. c. E. Meyer - «Die Drohung mit der Finanzindicare» «N. Z.» XXXIII B. 2, N. 18. Аналогичные образования имеются (Германия) в производстве шерсти, химических продуктов, металлов, кожевенном производстве и т. д.

водных кабелях, почтовой организации в целом.

«Огосударствление» произошло здесь раньше, чем в других областях. Типичны причины «огосударствления» железных дорог. Наряду с экономическими причинами (громоздкость авансированного капитала, плохая рентабельность вначале и т. д.) здесь действовали также мотивы фискальные, с одной стороны, военно-стратегические - с другой. Позже других перешла к казенным железным дорогам Англия; здесь сказалось влияние «великой войны»; подобно протекционизму, введению постоянной армии, стеснению индивидуальной свободы и проч., был совершен переход и к государственно-му железнодорожному хозяйству. Удельный вес (в % к длине всей железнодорожной сети) государственных железных дорог определяется такими цифрами: Бельгия - 90,8; Германия - 92,5; Дания - 55,6; Италия - 77,8; Голландия - 56,3; Норвегия - 84,2; Австрия - 80,4; Европ. Россия - 65,5; Швейцария - 71,9 и т. д. Франция, Португалия и Швеция имеют «смешанный» тип ж.-д. хозяйства. Что касается *телеграфа*, то частный телеграф играет большую роль лишь в Америке, в остальных же государствах преобладает государственный телеграф; кабельная сеть находится, главным образом, в руках частных компаний, но относительно большее возрастание придается на долю государства. Совершенно несомненно, что влияние войны скажется здесь очень сильно, и в целях «национальной обороны» и проч. поведется энергичная политика огосударствления всех этих отраслей.

Итак, скелет обращения находится в значительной степени в руках государства. Но и самый процесс все более и более переходит в его руки. Отметим, прежде всего, *торговые монополии* государства. Причины их введения в общем те же самые, что и введения монополий в сфере производства: негативные - в возрастающем «коллективистском» характере капиталистических отношений; позитивные - в финансовых и стратегических соображениях, заставляющих буржуазию централизовать экономические отношения в «отечественном» масштабе. Там, где в силу каких-либо причин производственная монополия трудно реализуема, государство присваивает себе исключительное право продажи данного продукта по ценам, которые фиксируются им самим.

Торговые монополии являются, несомненно, этапом к вторжению государственного контроля и в производственную область; только это вмешательство начинается, так сказать, с другого конца.

Форма *акционерного предприятия* дает возможность образования и в этой сфере «смешанных» предприятий, пайщиками которых являются публично-правовые институты (государство, коммуны), с одной стороны, торгово-промышленные организации - с другой. Аналогичную роль играют во время войны в Германии многочисленные «Kriegsrohstoffgesellschaften» («военные общества сырых материалов»), которые имеют полномочия (под контролем государственной власти) централизовать все имеющиеся запасы разного рода хозяйственных благ, распределяя их, согласно определенному регламенту, предписываемому государством (напр., каучук, бензин, металлы, кожа и проч.) или «Reichsverteilungsstellen» («имперские распределительные конторы»), заведующие распределением товаров по всей империи. Целый ряд организаций обязан доставлять товары, в то время как другие организации обязаны их принимать, и притом по ценам, фиксируемым государством. Одной из крайних форм государственного вмешательства

является, наконец, система *конфискаций* (ср., например, деятельность германского правительства в области снабжения населения пищевыми продуктами и т. наз. «пищевую диктатуру»). И здесь ряд синдикатских организаций кооперирует с органами государственного и местного самоуправления. *В результате анархический товарный рынок в значительной степени сменяется организованным распределением продукта, причем верховной инстанцией опять-таки является государственная власть.*

Конечно, и здесь многие формы должны отмереть с наступлением нормальных условий экономического процесса; поэтому безусловной утопией являются мечты некоторых идеологов империализма (так называемой «Magasinierung», т. е. учреждение гигантских государственных складов разного рода продуктов при одновременной почти изоляции государственного хозяйства (хозяйственная «автаркия»)). Но общая тенденция растущего вмешательства государственной власти, теоретических границ которого установить невозможно, все же остается.

Если мы перейдем теперь от товарного обращения к обращению денежному и к области кредита, то и тут обнаружится тот же самый процесс. Необходимость для государства регулировать весь процесс денежного обращения опять-таки резко сказывается во время войны. *Финансовая мобилизация* предполагает колоссальную мощь центральных государственных банков; сюда стягивается почти весь золотой запас страны, от политики государственного банка, количества выпускаемых им бумажноденежных знаков и т. д. зависит в первую голову конкретная конstellация в области денежного обращения. То же самое с *кредитными* отношениями. В Германии государственный банк нашел себе, кроме того, опору в зависимых от него, специально для войны учрежденных «ссудных кассах» (Darlehnskassen); эти государственные учреждения имеют своей целью оказывать кредит под залог не только всякого рода ценных бумаг, но и под залог *товаров*^a. Между государственной властью и различными кругами буржуазии, как представителями экономической жизни, создается таким образом нечто вроде круговой поруки, все увеличивающаяся «общность интересов». Эта круговая порука образуется в той же сфере и разными другими путями. Особенно важна здесь роль *государственных займов*. Если капиталисты отдают свои капиталы государству (кстати, «успех» внутренних займов обуславливается в высокой степени тем обстоятельством, что капиталы не могут найти сферы приложения при суженном из-за войны производственном базисе, а «народный» характер этих успехов есть чистейшая выдумка, что видно из анализа источников покрытия), то они становятся, благодаря этому, пайщиками всей совокупности государственных предприятий в широком смысле слова, ибо твердый процент, который они получают, есть часть общегосударственных доходов. Чем в большей степени производятся операции внутренних займов, тем теснее связываются экономически все отрасли производства с государственной властью, причем эта связь завязывается и исходит из процесса об-

a - См. Pinner, l. c.

b - См. D-r Weber - «Krieg und Banken», «Volkswirtschaftliche Zeitfragen» hg. von der Volkswirtschaftlichen Gesellschaft in Berlin, Heft 7, 1915.

Krome Darlehnskassen были учреждены еще специальные Kriegskreditbanken, значение которых, однако, еще не так велико.

ращения, а верховным регулятором является *государственный банк*.

Любопытно, что структура этого последнего учреждения не во всех странах одинакова. Либо это действительно чисто государственное учреждение, либо он является предприятием «смешанного типа». Смешанным характером обладает и немецкий Имперский Банк, который, будучи акционерным обществом, управляется государственными чиновниками, назначаемыми по предложению Bundesrat'a императором^а. «Природа» этого банка дала даже повод к многочисленным теоретическим дискуссиям на тему: является ли банк государственным учреждением, т.е. учреждением публично-правового характера, или же простой акционерной компанией частного-правового характера.

Мы упомянем здесь еще о так называемом регулировании *потребления*; на самом деле, эта область относится всецело к обращению: это есть процесс распределения благ, а не их потребления, ибо последний процесс вообще лежит за пределами всякого экономического исследования. Мы и имеем ввиду всевозможные карты и другие мероприятия: карты на хлеб, масло, мясо и проч. и проч.

Вмешательство государственной власти достигло в некоторых странах громадных размеров. В Германии это привело к регулированию распределения всех пищевых продуктов и к «коммунистическим» массовым обедам («Massenspeisungen»). Однако этот вид государственного вмешательства отличается наименьшей прочностью и, несомненно, исчезнет с окончанием войны и с уничтожением хозяйственной изоляции Германии.

Нам остается еще отметить *экономическую внешнюю политику государства*. Сюда относятся, прежде всего, всевозможные запреты и ограничения ввоза и вывоза, затем также вся система таможенной политики, торговых договоров, поддержки «национальной индустрии» за границей, премии всякого рода, изыскивания концессий и выгодных займов и т. д. и т. д., а также прямой грабеж, отнятие территории чужого «отечества» для монопольного использования «своим» финансовым капиталом, что является сущностью империалистской политики.

Подведем итоги. Империалистское государство, в полном противоречии с государством эпохи промышленного капитализма, характеризуется чрезвычайным усложнением функций и бурным вторжением в экономическую жизнь общества. Оно обнаруживает тенденцию овладеть всей производственной сферой и всей сферой товарного обращения. Промежуточные типы смешанных предприятий будут сменяться чисто государственным регулированием, ибо так может совершаться дальше централизационный процесс. Все члены господствующих классов (вернее, господствующего класса, так как финансовый капитализм постепенно сводит на нет различные подгруппы господствующих классов, сплавляя их в единую финансово-капиталистическую клику) становятся акционерами, пайщиками гигантского предприятия-государства^б. Государство из охранителя и покровителя эксплуатации превращается в единую, централизованную эксплуататорскую организацию, которой пролетариат противостоит непо-

средственно, как объект эксплуатации. Подобно тому как рыночные цены назначаются государством, рабочим выдается паек, необходимый для поддержания рабочей силы. Иерархически построенная бюрократия исполняет организаторские функции в полном согласии с военными властями, значение и сила которых все возрастают. Народное хозяйство всасывается государством, построенным на военный лад и имеющим в своем распоряжении громадную дисциплинированную армию и флот. В своей борьбе рабочим придется сталкиваться со всей мощью этого чудовищного аппарата, ибо каждое их выступление будет направлено непосредственно против государства: экономическая и политическая борьба перестают быть двумя категориями, и восстание против эксплуатации будет означать прямое восстание против государственной организации буржуазии.

Таково недалекое будущее, *если* только не произойдет социальной катастрофы раньше, чем сложится чистый тип нарисованных выше экономических отношений.

Нетрудно квалифицировать социально-экономически подобный способ производства, неразвитой формой которого является теперешний Kriegssozialismus, т.е. милитаризация почти всех отраслей промышленности и торговли. Многие буржуазные теоретики говорят о государственном социализме. Цитированный уже нами проф. Krahmann пишет, например: «Теперешнее мощное воздействие всех поддерживающих государство и защищающих отечество средств, предпринятых из военных соображений государственной властью, ставит нас ... на много ближе к государственному социализму. Однако, не таким путем, какого одни опасались, на какой другие надеялись. Это не интернационально-расхлябанный, а национально-закаленный социализм. К нему мы приближаемся. Это не демократический коммунизм, еще менее того аристократическое классовое правительство; это национализм, примиряющий классы»^а. А ревизионист Э. Фишер, наряду с утверждением, что «социализм по существу есть не что иное, как перенесение государственной идеи (Staatsgedankens) на народное хозяйство и социальную жизнь вообще», из всех сил старается на социализм, называя монополизацию разных отраслей промышленности такими странными именами, как, напр., «электрический социализм», «водяной социализм» и проч.^б Эти лживые фразы затемняют действительную суть дела. Последняя состоит в том, что в «военном социализме» классовые противоречия не только не уничтожаются, но доводятся до максимального обострения. В идеальном типе империалистского государства процесс эксплуатации не затмевается никакими вторичными формами; с государства сбрасывается маска надклассового учреждения, одинаково пекущегося о всех. Этот факт есть факт основной. И он до конца разбивает аргументацию ренегатов. Ибо социализм есть урегулированное производство, руководимое *обществом*, а не *государством* (государственный социализм есть сапоги всмятку), есть

^а - M. Krahmann, l. c. S. 22 - 23.

^б - E. Fisher - «Der Krieg und das sozialistische Werden» против такой точки зрения пишет Zeifman («Bringt uns der Krieg dem Sozialismus näher»), Prof. Hans Köppe («Kriegswirtschaft und Sozialismus», Marburg, 1915 г.) и друг. Общая постановка вопроса у G. Mayr'a - «Volkswirtschaft, Weltwirtschaft, Kriegswirtschaft». См. также Otto Prange - «Deutschlands Volkswirtschaft nach dem Kriege».

^а - См. Willy Baumgart - «Unsere Reichsbank, ihre Geschichte und ihre Verfassung», Berlin, 1915.

^б - Отсюда прямые «прожекты» превращения всего имперского хозяйства в акц. предприятия. См., напр., Heinrich Nienkamp - «Die Reichs-Aktien-Gesellschaft», Berlin - Charlottenburg.

уничтожение классовых противоречий, а не их *обострение*. Регулирование производства само по себе отнюдь не означает социализма, оно есть и в каждом *оikosном* хозяйстве, в каждой рабовладельческой натурально-хозяйственной группе. То, что ожидает нас в ближайшем будущем, есть на самом деле *государственный капитализм*. Против такого обозначения можно было бы возразить одно, а именно: логическим пределом, чистым типом слагающихся теперь отношений было бы уничтожение наемного труда, ибо рабочий получал бы паек, «алименты», а не денежный эквивалент ценности рабочей силы; подобно тому, как рыночные цены заменились бы регулируемой раздачей продукта, точно так же и форма заработной платы исчезла бы, а вместе с нею и *наемный труд*, как таковой: рабочий превратился бы в раба. А так как наемный труд составляет один из характернейших признаков капитализма, то невозможно обозначать этим термином отношения, которые означают уничтожение наемного труда. Мы считали бы, однако, это возражение правильным и ввели бы какое-нибудь новое обозначение для формирующегося типа отношений только в том случае, если бы налицо было *единое мировое государство*. Поскольку этого нет (и совершенно невозможно - по причинам, о которых мы говорили в «Коммунисте» - на это надеяться), поскольку остается анархия *мирового рынка*, постольку и сохраняются категории ценности и заработной платы, с той только разницей, что теперь место отдельного предприятия займет предприятие-государство. Рынок труда будет мировым рынком труда, усилится переливание рабочих рук из одного государства в другое. Точно также нельзя думать, что государство сможет назначать цены, какие ему вздумается, и закон трудовой ценности потеряет свое значение. Ибо нелепо думать о *замкнутом* государстве и хозяйственной автаркии. Останется давление *мирового рынка*.

Итак, *государственный капитализм* есть законченная формулировка государственно-капиталистического треста. Процесс организации устраняет постепенно анархию отдельных частей «народно-хозяйственного» механизма, ставя всю экономическую жизнь под железную пяту *милитаристского государства*.

Организационный процесс, государственная власть и рабочий класс.

1. *Диалектика развития государственной власти: меркантилизм, манчестерство, империализм.*
2. *Финансовый капитализм и организационный процесс в общественной жизни: возникновение ряда буржуазных организаций.*
3. *Диалектика развития государственной власти: единственная организация господствующих классов - одна из организаций - всеобъемлющая организация.*
4. *Рабочий класс и государство.*

Не только овес развивается «по Гегелю». Аналогичная шутка истории разыгрывается и с государством. Если мы возьмем *капиталистическое* государство, то заря капиталистического развития - эпоха торгового капитализма - носила на лбу печать государственности. И вне и внутри стра-

ны процветало государственное вмешательство: регулирование внешней торговли, системы премий и всевозможные виды покровительства, раздача привилегий и т. д. - такова была практика *меркантилизма*. Следующая стадия капиталистического развития была полным отрицанием меркантилистской эпохи. Промышленный капитализм нашел себе политическое выражение в либерализме, считающем всякое мало-мальски серьезное вмешательство государственной власти в «естественный» ход экономической жизни за вредный и обреченный на неудачу эксперимент. Подобная теория была настолько распространена, что, напр., *Спенсер* считал, что всемогущество государства есть пережиток милитарного режима и не подходит к индустриальным государствам с их «voluntary cooperation»^а. Если либерализм и промышленный капитализм были отрицанием меркантилизма и торгового капитализма, то империализм и финансовый капитализм, как его основа, являются - с точки зрения развития функций государственной власти - отрицанием отрицания. Только традицией и инертностью мысли, непониманием современных отношений и перенесением устаревших взглядов доимпериалистской эпохи на наше время можно объяснить тот факт, что новейшие тенденции развития трактуются некоторыми как «пережитки». На самом деле мы вступили в новую полосу развития: государство вновь вторгается в область экономических отношений с никогда невиданной силой и в размерах, не наблюдавшихся в европейской истории (американский классовый «коммунизм» инков и т. д. вообще мало исследованы). Это стало возможным благодаря *организационному* процессу, который - поскольку речь идет об экономической стороне общественной жизни - ярко развернулся с последней четверти прошлого столетия.

Экономически этот процесс выразился, как мы уже знали, в необычайно быстром росте всевозможных предпринимательских организаций: трестов, синдикатов, картелей, корнеров и рингов, специальных союзов для борьбы с рабочими организациями, разнообразных учреждений, берущих на себя представительство интересов «промышленности и торговли» (ср., напр., русские «Советы Съездов»), и т. д. Но не нужно думать, что организационный процесс захватил лишь одну экономику. Его значение гораздо шире и глубже. Можно даже с известным правом сказать, что нет ни одного уголка общественной жизни, который буржуазия оставила бы совершенно неорганизованным. Для духовной обработки масс имеется церковная организация, с широко разветвленным аппаратом, школа и организованная пресса. Ежедневная «духовная пища», которая в изобилии преподносится обывателю, уже давно перестала быть «частным» делом: всевозможные организации (телеграфные агентства, бюро прессы, различные объединения журналистов, наконец, целые газетные тресты, которые строго регулируют производство буржуазной лжи, и т. д.) берут на себя почтенную функцию быть опорой «существующего строя». Наука тоже давно уже вышла из состояния первобытной неорганизованности: всякие изыскания, начиная от экспериментов в химических лабораториях или работ над микроорганизмами и кончая археологическими раскопками, ведутся планомерно и систематически: об этом заботятся академии, ученые съезды, специальные издания, играющие организационную роль, бесконечное количество все-

а - Spenser - «The man versus the State».

возможных специальных учреждений (библиотек, музеев, опытных станций, лабораторий и обсерваторий, являющихся настоящими научными фабриками, и т. д.). Политика буржуазии есть тоже организованная политика. Никогда не было еще такого тесного объединения буржуазной сволочи, как теперь, в эпоху финансового капитализма. Разношерстные прежде политические организации господствующих классов постепенно теряют свои *differentia specifica*¹³, превращаются в одну империалистскую партию; все учащающиеся блоки всех буржуазных партий - в особенности, когда речь идет об общей борьбе с революционной социал-демократией, - полное единство в вопросах внешней политики, исчезновение всех пережитков демократизма и прежнего либерализма - наглядно иллюстрируют этот процесс. Насколько этот всеобщий организационный процесс захватил все и вся, видно хотя бы из простого перечня бесчисленных обществ, кружков, ферейнов и других организаций в любой области. Возьмем для примера *пропаганду колониальной политики*. К 1906 г. во Франции этой цели служили различные ученые географические общества: l'Union colonial, le Comité Duplex, la Société de propaganda coloniale, la France colonisatrice, l'Action coloniale et maritime, la Société des études coloniales et maritimes, la Société française de colonization et d'agriculture coloniale, La Colonisation française, l'Association pour le placement gratuit de Français à l'étranger et aux colonies, la Société française d'émigration des femmes, l'Oeuvre coloniale des femmes françaises, затем специальные «Comités»: les comités de l'Afrique française, de l'Asie française, de Madagascar, de la Guyane française, de l'Océanie française, le Comité de propaganda de l'Afrique occidentale française, le Comité du commerce et de l'industrie de l'Indo-Chine, la Société l'Africaine, la Réunion d'études algériennes, кроме того l'Association cotonnière coloniale, l'Association caotchoufière coloniale, l'Alliance française, la Mission laïque française, la Société anti-esclavagiste de France, la Croix verte и т. д.¹⁴.

Итак, возникает множество всякого рода буржуазных (о пролетарских речь будет впереди) организаций, существующих одна возле другой, в самых различных областях. Отдельные представители господствующих классов рассаживаются по ячейкам, врастают в определенные рамки, где вырабатывается коллективная воля, ставятся и разрешаются общие задачи. *Наконец, потребности империалистского развития заставляют буржуазное общество мобилизовать все его силы, довести организованность до максимального масштаба: государство вбирает в себя весь ряд буржуазных организаций.*

Война и здесь дала огромный толчок. Философия и медицина, религия и этика, химия и бактериология - все было «мобилизовано» и «милитаризовано» точно так же, как индустрия и финансы. Вся грандиозная техническая, экономическая и идеологическая машина заработала планомерно, как скоро появилось сознательное организованное приспособление к «целому», т. е. когда государство тем или иным путем втянуло в свою всеобщую организацию эти бесчисленные группы. В газете появилось как-то сообщение, что капиталистами поднят вопрос о выработке нитроглицерина из того колоссального количества трупов, которое производит война; нужно было лишь найти научным путем наилучший метод этой выработки,

a - Paul Masson - «Les Colonies françaises au début du XX siècle. Exposition coloniale de Marseille» 1906, t. I p. 61 - 62.

обещавшей за дешевизной сырого материала громадные барышни. Мы не знаем, насколько верно это сообщение и действительно ли приходила в голову кому-либо из почтенных буржуа такая гениальная мысль. Ибо это сообщение, правда, в несколько каррикатурной форме - выражает действительное соотношение вещей. С точки зрения холодного «государственного разума» т. е. с точки зрения правящей финансово-капиталистической олигархии пролетарская масса есть *instrumentum vocale*¹⁴ для получения сверхприбыли. И точно так же как сносившиеся части машин или «экскременты промышленности» утилизируются в ином производственном процессе, точно так же может быть использована энергия, скрытая в человеческих трупах. С этой, специфической для империалистского государства, точки зрения деятельность врачей, сестер милосердия, Красных Крестов и других аналогичных организаций есть лишь починка сносившихся и еще годных для употребления орудий империалистской конкуренции. А деятельность ученых, борющихся с чумой, тифом и холерой, - лишь деятельность смазчика, подливающего масло и уничтожающего излишние трения в громадной смертоносной машине. Это так и есть, поскольку государственная власть образует центр притяжения этих организаций, превращающихся в служебный орган государственного гиганта.

Итак, общая схема государственного развития такова: вначале государство является единственной организацией господствующего класса. Затем начинают нарастать другие организации, число которых особенно увеличивается в эпоху финансового капитализма. Государство превращается из единственной организации господствующего класса в одну из его организаций, существующих одновременно, организацию, отличающуюся максимально общим характером. Наконец, наступает третья стадия, *когда государство проглатывает эти организации и снова становится единственной всеобщей организацией господствующего класса, с внутренним техническим разделением труда; прежние самостоятельные организационные группировки превращаются в отделения гигантского государственного механизма, который с сокрушающей силой обрушивается на видимого и внутреннего врага. Так вырастает законченный тип современного империалистского разбойничьего государства, железная организация, которая охватывает своими цепкими загребистыми лапами живое тело общества. Это - Новый Левиафан, перед которым фантазия Томаса Гоббса кажется детской игрушкой. И пока еще «non est potestas super terram quae comparetur ei» («нет силы над землей, которая бы сравнялась с ним»)¹⁵.*

Мы должны теперь поставить вполне естественный вопрос о роли рабочих, пролетарских организаций.

Теоретически здесь могут быть два случая: *либо рабочие организации, подобно всем организациям буржуазии, врастают в общегосударственную организацию и превращаются в простой придаток государственного аппарата, либо они перерастают рамки государства и взорвут его изнутри, организуя собственную государственную власть (диктатура).* Первый путь, по которому пошла желтая социал-демократия Гэдов, Плехановых, Шейдеманов, Гендерсонов, Брантингов и прочей компании, и есть путь превращения революционной партии пролетариата в служебный механизм

a - Могло к «Левиафану» Гоббса см. «The moral and political works of Thomas Hobbes», London. MDCCCL.

империалистского государства, в его «рабочий департамент», второй путь - это путь Либкнехта, Хеглунда, Маклина, Муранова и других товарищей, путь революционной социал-демократии. Общий процесс революционизирования, который мы сейчас переживаем и который выражается и в массовых акциях пролетариата, и в борьбе «течений», и расколах прежней социал-демократии, означает растущую вероятность *второго исхода*, преодоление национально-империалистской рабочей политики путем интернациональной революции социализма. Материальной основой такого исхода является различное влияние империалистской политики на положение буржуазии - с одной стороны, на положение пролетариата - с другой. Пока империализм оборачивался лишь своей «прогрессивной стороной» («мирная» экспансия довоенного времени), в пролетариате должны были нарастать империалистские настроения. Но теперь империализм обернулся своей конфликтной стороной, и чем дальше, тем большей тяжестью будет он ложиться на интернациональный пролетариат. В то время как для империалистской буржуазии жизненной необходимостью является продолжение империалистской политики, для пролетариата такой необходимостью является уничтожение империализма, а с ним и самого капиталистического производства.

Ближайшее развитие государственных организмов - поскольку не происходит социалистического переворота - возможно исключительно в виде *милитаристского государственного капитализма*. Централизация становится централизацией казармы; неизбежно усиление среди верхов самой гнусной военщины, скотской муштровки пролетариата, кровавых репрессий. С другой стороны, как мы уже отметили выше, всякое выступление пролетариата неизбежно превращается при таких условиях в выступление против государственной власти. Отсюда определенное тактическое требование: *социал-демократия должна усиленно подчеркивать свою принципиальную враждебность государственной власти*. Социал-демократия - поскольку речь идет о парламентах - обязана голосовать *против* введения всяких монополий, против всяких таможенных объединений и т. д. Не потому, чтобы - как то тщетно стараются доказать некоторые приверженцы партийного центра - эти нововведения означали экономический регресс. Наоборот, с изолированной экономической точки зрения и притом с «национально» ограниченной, эти формы, будучи формами дальнейшей централизации, означают несомненный прогресс. Дело вовсе не в этом, а в том, что этот прогресс есть *не что иное, как усиление и поддержка милитаризма и империализма*. Поддерживать современное государство - это значит поддерживать милитаризм. Историческая задача дня не в том, чтобы заботиться о дальнейшем развитии производительных сил (они вполне достаточны для реализации социализма), а в подготовке повсеместной атаки на господствующих разбойников^а. В нарастающей революционной

^а - Какой-нибудь из «догадливых» читателей скажет, что с-д-тия всегда ориентируется по линии развития производительных сил и что даже социализм потому желателен, что он освобождает развитие производительных сил от капиталистических оков. Это, конечно, верно. Но мы утверждаем, что теперешний (относительно узкий) промежуток времени требует от нас другого. Точно также, как, скажем, во время вооруженного восстания социал-демократия не боится временного разрушения части производ. сил (этого боялся г-н Струве, кричавший о гибели промышленности и об анархии). В конечном счете и развитие производ. сил будет совершаться интенсивнее.

борьбе пролетариат разрушает государственную организацию буржуазии, использует ее материальный остов, создает свою временную государственную организацию власти и, отбросив все контр-атаки реакции, расчистив все пути для свободного развития социалистического человечества, отмечает в конце концов и свою собственную диктатуру, вбивая раз навсегда осиновый кол...

(На этом рукопись обрывается, дальнейшие листы утеряны).